

высокимъ и важнымъ представилось мнѣ не столько человѣческое учрежденіе брака... сколько самое соединеніе мужчины и женщины, которое, разъ совершившись, не можетъ быть нарушено, безъ нарушенія воли Бога»⁸).

Понявъ, насколько соблазнъ клятвы губить благо людей, Толстой рѣшилъ, что слѣдуетъ держаться только простого утвержденія и отрицанія: да и нѣтъ; всякое же обѣщаніе сверхъ этого есть зло. «Все то, говоритъ онъ, что прежде казалось мнѣ хорошимъ и высокимъ—обязательство вѣрности правительству, подтверждаемое присягой, вымоганіе этой присяги отъ людей и всѣ поступки, противные совѣсти, совершаемые во имя этой присяги,— все это представилось теперь мнѣ и дурнымъ и низкимъ»⁹).

Усвоивъ заповѣдь Христа о непротивленіи злу, Толстой понималъ, сколько зла происходитъ оттого, что люди не только не отдають своего труда другимъ, но сами лишаютъ себя работы и насиліемъ отбирають произведенія чужого труда. Новая вѣра измѣнила оцѣнку Толстого. «Все то, говоритъ онъ, что прежде казалось мнѣ хорошимъ и высокимъ — богатство, собственность всякаго рода, честь, сознаніе собственного достоинства, права — все это стало теперь дурно и низко; все же, что казалось мнѣ дурнымъ и низкимъ — работа на другихъ, бѣдность, униженіе, отреченіе отъ всякой собственности и всякихъ правъ—стало хорошо и высоко въ моихъ глазахъ»¹⁰).

Заповѣдь о нераздѣленіи между своими и чужими народами внушила Толстому убѣжденіе, что единство человѣка со всѣми народами не должно быть нарушаемо чертою границы и распоряженіями правительства о принадлежности человѣка къ тому или иному государству. И это заставило его измѣнить оцѣнку многихъ сторонъ жизни. «То, говоритъ онъ, что мнѣ представлялось хорошимъ и высокимъ — любовь къ отечеству, къ своему народу, къ своему государству, служеніе имъ въ ущербъ благамъ другихъ людей, военные подвиги людей—все это мнѣ показалось отвратительнымъ и жалкимъ. То, что мнѣ представлялось дурнымъ и позорнымъ: отреченіе отъ отечества, космополитизмъ—показалось мнѣ, напротивъ, хорошимъ и высокимъ»¹¹).

«Непріятели и такъ называемые злодѣи и разбойники всѣ—люди, точно такіе же сыны человѣческіе, какъ я, говоритъ Толстой, такъ же любятъ добро и ненавидятъ зло, такъ же живутъ наканунѣ смерти и такъ же, какъ я, ищутъ спасеніе и найдуть его только въ ученіи Христа»¹²).